

— Это как так? — Су Хуайчэнь засмеялся, протянув руку, чтобы зачерпнуть немного, но так и не решился сделать это.

Ань Шунань же поступил проще: закончив с маниоком, он взял бамбуковую миску и сразу же зачерпнул ложкой. В тот же миг все взгляды устремились на него. Увидев, как он, низко склонившись, с аппетитом уплетает еду, все невольно сглотнули слюну и хором спросили:

— Вкусно?

— Вкусно, только сахара не хватает.

Бамбуковая миска была маленькой, и Ань Шунань за пару глотков опустошил её, продолжая жевать, он уже протянул руку, чтобы зачерпнуть ещё. Но на этот раз всё было не так просто. Бин Сян тоже протянул руку, чтобы отобрать ложку. Раз уже подтвердили, что есть можно, то почему бы не поспешить? Как говорится: если не проявляешь энтузиазма в еде, то с головой у тебя проблемы.

После очередной схватки за ложку, наконец, каждому досталось по миске. Все, приготовившись к тому, что Ань Шунань их обманул, попробовали и были поражены. Не то чтобы это было очень вкусно, но, к удивлению, оказалось вполне съедобным. Мякоть джекфрута была хрустящей, мягкой и слегка сладкой. Линь Чжинань это понравилось, но остальные не были в восторге от варёного джекфрута. Они предпочитали варёную папайю.

Папайя, сваренная, была похожа на полуготовую восковую тыкву, хрустящая и слегка сладкая.

За исключением первого дня пути, сегодня вечером все наелись досыта. Убрал и вымыл посуду, все снова взяли бамбуковые тубусы, чтобы набрать воды. Линь Юнфу и Бин Сян посчитали, что это слишком медленно, и сами сорвали несколько банановых листьев, свернули их в цилиндры, чтобы набирать воду, и назвали это: ведро из банановых листьев.

— Ты почувствуешь, что такое природная порка, — насмешливо заметил Чу Хуайцинь, наблюдая за этим.

И действительно, как только ведро из банановых листьев опустили в воду, прежде чем его успели поднять, раздался плеск, и, подняв его, увидели только банановые листья, но никакой воды. Попробовав несколько раз, все вынуждены были вернуться к старому способу — бамбуковым тубусам.

Не имея условий для мытья, но имея желание помыться, все, наполнив бамбуковые тубусы и котёл, начали набирать воду для купания, шумно и весело смеясь. Сестрёнка набрала немного воды, чтобы обтереться, и пошла спать. Чу Хуайцинь, используя лианы, быстро сплёл простой гамак и лёг на него, глядя на луну.

Покачиваясь, он смотрел вдаль. В темноте на него смотрели другие глаза.

Группа шумела почти до десяти вечера, прежде чем, зевая, вернулась в лагерь. Когда все улеглись и наступила тишина, в ушах, помимо щебетания неизвестных насекомых, раздавались крики птиц, сопровождаемые шумом ручья у цепного моста, создавая особую атмосферу.

— Не могу уснуть, кто-нибудь расскажет историю?

Из ряда палаток высунулся монашек, обращаясь к Чу Хуайциню, который всё ещё лежал в гамаке:

— Брат, расскажи историю!

— Да, — Линь Юнфу тоже высунул голову. — Брат Чу, расскажи!

— Я не умею рассказывать истории, — честно признался Чу Хуайцин.

С тех пор, как он себя помнил, отношения между его родителями были напряжёнными, и атмосфера в доме всегда была тяжёлой. Мать, кроме плача, почти не обращала на него внимания. Когда ему исполнилось десять, его родители развелись, и он уехал с матерью за границу. Вскоре после этого мать внезапно стала парализованной. Детство Чу Хуайцина не было счастливым, и никто никогда не рассказывал ему сказок. Он и сам не разбирался в этом.

— Расскажи, расскажи! — Монашек лёг на землю, подперев подбородок руками, с большим ожиданием.

— Я расскажу! — подошёл Ся Шан, улыбаясь. — Не помешаю?

Высунувшие головы несколько человек переглянулись и поспешно замотали головами. С такой улыбкой, полной скрытого смысла, разве можно сказать «помешаешь»?

Ся Шан, скрестив руки на груди, прислонился к дереву рядом с гамаком Чу Хуайцина и начал рассказывать:

— В те времена, в деревнях многие люди, чтобы поливать рисовые поля, выходили ночью, потому что воды в водохранилище было мало, и её приходилось буквально отвоёвывать. В ту ночь дядя Чэнь специально встал в предрассветные часы. Взяв мотыгу, он вышел из дома, при свете луны, не зажигая фонаря, и, пройдя через деревню, пошёл вдоль поля. Неподалёку он увидел человека, который рубил дрова в небольшой роще. Дядя Чэнь поднял руку и спросил: «Что ты так поздно дрова рубишь?» Тот ответил: «Да!»

После этого дядя Чэнь больше не обращал внимания на того человека, закончил полив и, возвращаясь обратно, прошёл мимо места, где он встретил того человека, но обнаружил, что его уже нет, и даже роща исчезла. Только тогда он вспомнил, что никто не рубит дрова ночью, и, кроме того, на этом месте раньше был пруд.

— Плеск!

— Ааа!

Звук ручья и крик монашка раздались одновременно. У остальных дрогнули глотки, и по спине пробежал холодок. Головы скрылись в палатках, и все легли спать.

Ся Шан, закончив рассказ, развернулся и ушёл.

Чу Хуайцин лежал в гамаке, покачиваясь, задумчиво. Он когда-то рассказывал эту историю одному мальчишке. Неужели это совпадение?

Всё вокруг погрузилось в сон, шум бурного ручья под утёсом становился всё отчётливее. Листья, развеваемые ветром, смешивались с криками неизвестных птиц. Туман окутал цепной мост, создавая таинственную и фантастическую атмосферу. На горизонте уже начинал появляться свет, и небо постепенно светлело.

— Щёлк!

Лёгкий звук смешался с другими шумами. Чу Хуайцинъ в палатке открыл глаза, быстро вскочил и медленно отодвинул полог палатки. Вдалеке его взгляд встретился с взглядом Ся Шана, который был напротив его палатки. Сквозь слабый свет они одновременно кивнули и выскользнули из палаток.

Люди, спешащие на работу, встают в шесть утра, и первое, что они делают, — включают компьютер и смотрят прямой эфир. Неудивительно, что в чате ещё кто-то общается. В эпоху развлечений множество людей смотрят сериалы, играют в игры или всю ночь следят за трансляциями.

— Скучно, кто-нибудь разбудит их! Дроны — это провал. Они летали всю ночь, почему бы им не научиться залетать в палатки? В других реалити-шоу ведь снимают, как люди спят.

— Хорошее предложение. Хочу посмотреть на Чу Хуайциня и монашка. Они мои любимчики. Сейчас пойду и предложу это съёмочной группе, чтобы ночью всем было не скучно.

— Мне не скучно. Я могу слушать шум ручья вечность. Такой первозданный звук в большом городе не услышишь.

— Все не спали? Круто, я только что встал, пора на работу.

— Уже прошла ночь? Оказывается, я всю ночь смотрел на палатки. Странно, почему никто не выходил ночью... О, кто-то вылез.

Зрители в прямом эфире, сонные и растерянные, увидели, как Чу Хуайцинъ и Ся Шан одновременно вылезли из палаток.

— Что происходит?

— О, монашек тоже вышел, он спрятался за деревом.

— Что-то случилось? Я что-то пропустил?

Чат мгновенно взорвался, все гадали, что произошло. Вскоре внимательные зрители заметили, что в кадре появились двое мужчин в камуфляжной форме, в чёрных масках и с оружием, осторожно подходящих к палаткам. А в кустах, мимо которых они прошли, притаился Чу Хуайцинъ.

Зрители: ...

— Привет!

Лёгкий голос раздался за спиной двух ассасинов. Они вздрогнули, только успели обернуться, как кулак с резким свистом врезался в одного из них. Мужчина замер от страха, нога инстинктивно выбросилась вперёд, но Чу Хуайцинъ быстро уклонился, рука молниеносно потянулась к оружию на груди мужчины. Тренированный мужчина не позволил бы так просто отобрать оружие, почувствовав, что Чу Хуайцинъ не новичок, он тоже начал действовать, и началась драка.

Зрители в шоке. Пока Чу Хуайцинъ сражался с одним мужчиной, Ся Шан тоже вступил в бой. Четверо яростно дрались перед камерами, и не только люди в лагере проснулись, но даже режиссёр Хуан в штабе был разбужен помощником.

— Режиссёр Хуан, — помощник сглотнул, глядя на то, как пять человек, включая только что присоединившегося монашка, яростно сражаются, тихо спросил:

— Вы специально выбрали Чу Хуайциня и Ся Шана?

— Нет.

Монашка, конечно, знали, он был из Шаолиня, и режиссёр Хуан знал, что он немного умеет драться. Ся Шана он тоже знал, он тренировался. Но Чу Хуайцинь стал приятным сюрпризом. Он не только умел драться, но и его стиль был похож на стиль Ся Шана.

Это был джиткундо, известный в мире как JKD, боевое искусство, созданное великим мастером Ли, китайцем, прославившимся на весь мир.

Джиткундо отличался от других китайских боевых искусств. Его техники были смесью бокса, и он славился своей жестокостью. Когда Чу Хуайцинь сделал прыжок и пнул человека, а затем провёл удушающий приём, все были шокированы его свирепостью. Все думали, что этот ассасин будет убит, но Чу Хуайцинь превратил кулак в ладонь, сильно надавил на плечо мужчины, пнул его в колено и прижал к земле.

Мужчина, казалось, был шокирован Чу Хуайцинем, лёжа на земле без движения, и только через некоторое время пришёл в себя.

— Ты здорово дерешься, не ожидал встретить здесь мастера.

— Взаимно, не ожидал, что режиссёр Хуан так серьёзно подошёл к делу, даже пригласил отставных военных.

— Я тоже фанат выживания, похоже, сегодня у нас есть шанс, — мужчина вздохнул, слегка пошевелив плечом. — Ты меня утомил, можешь отпустить?

<http://bllate.org/book/16333/1474553>